

9 НОЯ 1987

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

# Последствие

— ПРИХОДИТЕ, пожалуйста, — сказала мне по телефону неделю назад Нина Николаевна Казаринова. — Пятый этаж, четыре звонка — наш пароль.

Тогда оставалась неделя до юбилея актрисы, и приготовления к нему уже были налицо: в небольшой комнате я увидела два листа картона с фотографиями — «Творческий путь Н. Н. Казариновой» и «Светить, и никаких звезд!» — обычные милые дружеские старания, на столе среди книг о ТЮЗе и театре, среди старых снимков — первая телеграмма: «Поздравляю с 80-летием. Дата круглая, красивая. Жизнь прожита честно, с горячей любовью к людям. Спасибо тебе за это. Сожалею, что ты не устроила в Перми «филиал» для открытых дверей. Мои дети и сестры низко кланяются»...

Седобородый Брянцев смотрит с портрета.

— День открытых дверей — девятого, в день рождения, — быстрый, молодой голос хозяйки. — По требованию друзей. Я в театре теперь не служу, так что — дома. Не знаю, как все поместится, ну да — кто-то до спектаклей, кто-то — после... Вот здесь будут все мои режиссеры (показывает прекрасные лица) — Димант, Каганов, Макарьев, Вейсбрем, Гаккель, Зон... и Брянцев, конечно, чего уж там говорить... Вы знаете, я теперь одна осталась из моего поколения и постепенно присоединилась к поколению Люси Жуковой, выпускников 39-го года. Мы часто собираемся, что называется, по поводу и без повода. В пушкинские дни обязательно... Нас все меньше и меньше. Вот я и подумала: вторых восьмидесяти лет не будет — надо устроить день открытых дверей!

За стеной кто-то упражняется на фортепиано, постоянно звонит телефон. — Нину Николаевну требуют, приглашают, с ней договариваются о чем-то. Сообщают, увя, что кто-то умер... Наш разговор поэтому немножко скачет, но это неважно — важно, что жизнь идет.

— Я сейчас переживаю больше, чем когда-либо. ТЮЗы выжимают, как из тюбика, — их становится все меньше и меньше. Они должны якобы превратиться в молодежные театры — название, мол, отпугивает. Нет, нет и нет! Да, возникла тенденция и повзрелению, и момент упустили. Александр Саных (это Брянцев, конечно; о нем Нина Николаевна говорит как о жи-

вом. — О. Ш.) еще в пятьдесят седьмом беспокоился. Я — за укрепление тюзовской позиции. Природа-то ребенка все та же. Да, он более развит, более оснащен информацией. Но ведь надо бороться с прагматизмом детей! Если раньше после спектакля ребенок обращался к книге, к первоисточнику, то теперь — «Я это уже видел!..» Брянцев открывал театр сказкой — чтобы ребята эту прелесть, эту фантазию брали себе в душу. Я поддерживаю Александра Александровича всегда в том, что главное — не сам спектакль, а — последствие. Что осталось в душе? Изменился ли маленький человек к лучшему чуть-чуть?..

И вроде бы перебивая себя, а по сути, конечно, продолжая мысль, Нина Николаевна говорит, протягивая мне книгу «А. А. Брянцев. Воспоминания. Статьи. Выступления. Дневники. Письма»:

— У вас нет такой? Возьмите. Прочитайте, пусть не сейчас. Огромный заряд доброты получите! Такого, как Брянцев, мудреца, бессребреника, — еще поискать... Он и нас так воспитывал — тех, кто хотел. Он говорил, что актер ТЮЗа не должен быть неудачником, которому не нашлось места во взрослом театре. Актер должен служить в ТЮЗе по призванию, обязан быть гражданином и обладать педагогическими наклонностями.

И Нина Николаевна горячо, словно продолжая спор с кем-то, не верящим в силу искусства, рассказывает мне несколько историй. О том, как один мальчик из спецдетдома, где обсуждалось «Детство маршала» и актриса говорила, что для исполнения роли Семьи по требованию самого Буденного ей пришлось выучиться играть на баяне, петь и плясать «не хуже цыгана на базаре», научилась играть на трубе. Как одна девочка, посмотрев спектакль «Красный галстук», где Казаринова играла Шуру Бадейкина, призналась ей в том, что больше не будет подписывать свои тетрадки «Нина Мамаева», воображая себя любимой актрисой, ибо поняла —



не в фамилии дело... Как мальчишки, критиковавшие Ваню Солнцева из «Сына полка» за то, что у него в театре глаза карие, а не голубые, как в фильме, потом поняли: слова капитана Янакиева — «Учись, Ваня!» — и к ним... И о том, как, выступая перед ребятами одной из школ, она увидела мальчика, сидящего с опущенной головой, и, узнав, какая трагедия была у него в жизни, уже как бы только ему одному рассказывала свою биографию. (Роди-

лась в Перми. Отец — рабочий, мать — белошвейка, еще три сестры и брат. Чтобы не умереть с голоду, нанялась нянькой в деревню, научилась жать, косить, бороновать, трепать лен, ездить на лошади. Вставала в шесть утра, ложилась в час ночи. И при этом — училась... «Нет слова — не могу, есть — не хочу»). А по ходу рассказа играла отрывочки из своих любимых ролей — и Геккельберн Финна, и Гаврика из «Белеет парус одинокий», Васю из «Именем

революции» — да старалась повеселее. И парнишка начал поднимать голову, даже улыбнулся раз, а потом попросил разрешения прийти в театр... А в школе-интернате номер шесть, где был (да, жаль, теперь распался) пионерский «Театр юных строителей», с которым дружил ТЮЗ, ставя спектакли и играя в них, большие, плохо говорящие дети могли потом со сцены прочесть: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...».

— И понимаешь: не зря живешь!

Слушаю Нину Николаевну и думаю: мы до такой степени приучены к сложности жизни, что все чаще отказываемся (или опасаемся?) верить в ее гениальную простоту, которая нет-нет да проявляется. И прежде всего — в жизни детства: раз — и ты волшебник... Всего на мгновение. Но ведь мгновение может перевернуть человека. А уж если оно принадлежит искусству...

«Важно — последствие».

— Когда меня на пенсию провозжали, то зачитали список — не сыгранного, а сделанного. Даже заплакала: неужели — все я? А потом вспомнила, как мы — Чернасов, депутат Верховного Совета, Брянцев, депутат горсовета, и я, депутат райсовета, ни одно дело не бросили на полпути.

И снова рассказы — как кому-то помогли с жильем, как во время эвакуации в Березниках Пермской области работали, какие остались связи «с мномми зрителями»...

— Александр Александрович говорил: если ты не ответишь на письмо — ты не пожмешь протянутую руку. И я пишу по сто писем к праздникам.

Тут, «как в кино», пришел почтальон, принес еще телеграмму. И признался: он — тоже зритель и почитатель народной артистки РСФСР Казариновой, и ему приятно присоединиться ко всем поздравлениям.

— Так вы обязательно приходите 9 ноября, с часу до восьми, — сказала мне на прощание Нина Николаевна. — Четыре звоночка, и все в порядке...

Ольга ШЕРВУД

□

На снимке: Н. Н. Казаринова.  
Фото В. ГОЛУБОВСКОГО